

Содержание субъективного права на неприкосновенность персональных данных

Аннотация. Содержание субъективного права на неприкосновенность персональных данных до сих пор в достаточной степени не изучено. На основе анализа законодательства в сфере информационной приватности автор включает в структуру права субъекта персональных данных традиционную триаду правомочий: на собственные активные действия, на то, чтобы требовать со стороны всех других лиц определенного поведения, и на защиту. Указывается, что эти правомочия формируют единое абсолютное гражданское субъективное право на неприкосновенность персональных данных ввиду их направленности на реализацию управомоченным субъектом интереса, связанного с обеспечением состояния неизвестности сведений о себе и своей деятельности, возможностью контролировать свои персональные данные, а также со сферой неимущественных отношений по защите персональных данных от неправомерного использования.

Ключевые слова: персональные данные; содержание субъективного гражданского права; частная жизнь; право на защиту; интерес управомоченного субъекта; информационная приватность; абсолютное субъективное право; правомочие; гражданское право; неприкосновенность; защита персональных данных

Для цитирования: Швец Л. В. Содержание субъективного права на неприкосновенность персональных данных // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 3. — С. 93–107. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.093-107

The Content of the Subjective Right to Personal Data Privacy

Lev V. Shvets, Postgraduate Student, Department of Civil Law, Law Institute, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
levshvetc@gmail.com

Abstract. The content of the subjective right to personal data privacy has yet to be sufficiently studied. Based on the analysis of legislation in the field of information privacy, the author includes in the structure of the subject's right to personal data a traditional triad of powers, namely the power to take one's own active actions, the power to demand certain behavior from all other persons, and the power to protect oneself. It is indicated that these powers form a single absolute civil subjective right to the privacy of personal data in connection with their focus on the implementation by the authorized subject of the interest. This interest is associated with ensuring the state of uncertainty of information about themselves and their activities, the ability to control their personal data, as well as with the sphere of non-property relations for the protection of personal data from their unlawful use.

Keywords: personal data; content of subjective civil law; private life; right to protection; interest of the authorized subject; information privacy; absolute subjective right; authority; civil law; inviolability; personal data protection

---

© Швец Л. В., 2026

* Швец Лев Викторович, аспирант кафедры гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета
Ленина пр., д. 36, г. Томск, Российская Федерация, 634050
levshvetc@gmail.com

Cite as: Shvets LV. The Content of the Subjective Right to Personal Data Privacy. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(3):93-107. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.093-107

В доктрине наметилась явная тенденция усиления внимания к цивилистическому аспекту правового режима персональных данных и прав граждан в этой сфере. Например, если воспользоваться нейронной сетью для получения семантических векторных представлений (эмбеддингов) научных текстов на русском языке, разработанной лабораторией машинного обучения и семантического анализа Института искусственного интеллекта МГУ, то программа выдает, что словосочетание «защита персональных данных» относится к гражданскому, административному или информационному праву с коэффициентами 0,46, 0,47 и 0,5 соответственно, т.е. практически в равной пропорции¹.

В 2023 г. российские суды по искам Роскомнадзора взыскали штрафы более чем на 4,6 млн руб. за нарушения при работе с персональными данными на основании 87 утечек персональных данных². В то же время количество частнопроводимых требований граждан к лицам, нарушившим их право на защиту персональных данных, явно не коррелирует с объемом выявленных государственным регулятором нарушений. Так, по данным официальной статистики, по судебным спорам, в которых Роскомнадзор привлечен к участию в деле³, за 2023 г. заявлены только 17 гражданско-правовых требований о защите прав субъектов персональных данных по всей России, причем в пяти из них Роскомнадзор был истцом, выступающим в интересах граждан. Можно сделать вывод о том, что граждане не пользуются государствен-

ным механизмом защиты и восстановления их прав и законных интересов. Это свидетельствует о необходимости глубоких научных исследований содержания права на неприкосновенность персональных данных для реального осуществления субъектами персональных данных и эффективной защиты своих интересов.

В научной литературе много внимания уделяют не только характеристике персональных данных, но и праву физического лица на данный объект. Ранее автором сделан вывод о существовании непоименованного субъективного права субъекта персональных данных контролировать и определять условия их обработки, а также защищать персональные данные от неправомерного использования (права на неприкосновенность персональных данных⁴). Указанное право является фундаментальным, юридически защищенным, обеспечивает неприкосновенность частной жизни и безопасность информации в современном мире.

Как и любое другое субъективное право, право на неприкосновенность персональных данных имеет традиционные элементы, называемые правомочиями. В научной литературе нет единого подхода к тому, из каких обязательных правомочий должно состоять субъективное право. Например, В. Д. Перевалов сначала выделял четыре правомочия в содержании субъективного права: 1) право на собственные фактические действия, направленные на использование полезных свойств объектов права; 2) право на юридические действия, на принятие юридических решений; 3) право требовать от другой сто-

¹ Доступ к нейросети по анализу научных текстов: URL: <https://huggingface.co/mlsa-iai-msu-lab/sci-rus-tiny?library=sentence-transformers> (дата обращения: 25.10.2023).

² Тюняева М. Объем штрафов за утечки персональных данных увеличился в 20 раз с 2021 г. // *Ведомости*. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/12/11/1010299-sovokupnii-obem-shtrafov-za-utechki-personalnih-dannih-velichilsya-v-20-raz> (дата обращения: 04.04.2025).

³ Судебная практика Роскомнадзора за 2023 г. // URL: <https://rkn.gov.ru/activity/jurisprudence/p1268/> (дата обращения: 11.04.2025).

⁴ Швец Л. В. Природа права на персональные данные: цивилистический аспект // *Сибирское юридическое обозрение*. 2024. № 21 (4). С. 579–595.

роны исполнения обязанности; 4) право на принудительное исполнение обязанности⁵. Позднее он дополнил перечень еще одним правом — на самозащиту⁶. Представляется, что позиция автора изменилась в связи с приверженностью к гибкому подходу, который ярко демонстрирует его цитата из более поздних публикаций: «...та или иная правовая норма содержит столько структурных логических элементов, сколько этого требует данное общественное отношение»⁷. Такой позиции придерживается и Н. И. Матузов, который, несмотря на выделение других четырех правомочий в составе субъективного права, писал: «У разных прав правомочий больше или меньше»⁸.

О. С. Иоффе, Д. М. Шаргородский, П. А. Варул обосновывают точку зрения о наличии двух правомочий: на собственные активные действия и требования определенного поведения⁹. Некоторые ученые считают, что в содержание субъективного права входит только одно правомочие. Например, С. И. Вильнянский сводил содержание субъективного права к закреплению за управомоченным лишь возможности требовать от обязанных лиц совершения предписанных им действий¹⁰, а Ю. К. Толстой выделяет в субъек-

тивном праве исключительно правомочие на активные действия, которые должны быть обеспечены субъективной обязанностью другого лица¹¹. Крайней позиции придерживался С. Ф. Кечекьян, который указывал, что содержанием субъективного права всегда являются только действия других лиц¹².

Считаем более обоснованной господствующую в цивилистической доктрине позицию, согласно которой в составе субъективного права по общему правилу существуют три правомочия (С. С. Алексеев¹³, В. П. Грибанов¹⁴, С. Н. Братусь¹⁵, Б. М. Гонгало¹⁶ и др.):

- на собственные действия;
- требование соответствующего поведения от обязанного лица;
- защиту.

Будучи ядром всех правоотношений, субъективное регулятивное право должно наделять их участников возможностью активных действий. Верно отмечал С. С. Алексеев, что «жизненный интерес удовлетворяется при помощи... собственных акций-действий активного (положительного) характера»¹⁷. Тем самым ярко демонстрируются социальная ценность субъективного права, его нацеленность на достижение

⁵ Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М. : Норма, Инфра-М, 1999. С. 342.

⁶ Перевалов В. Д. Теория государства и права : учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М, 2024. С. 301.

⁷ Перевалов В. Д. Нормы права: проблемы понимания и определения // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5 (101). С. 15.

⁸ Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2004. С. 89.

⁹ Иоффе О. С., Шаргородский Д. М. Вопросы теории права. М. : Госюриздат, 1961. С. 225 ; Варул П. А. О некоторых теоретических вопросах защиты субъективных гражданских прав // Проблемы понятийного аппарата наук гражданского и гражданского процессуального права. Ярославль, 1987. С. 20–21.

¹⁰ Вильнянский С. И. Лекции по советскому гражданскому праву. Харьков : Изд-во Харьковского государственного университета имени А.М. Горького, 1958. Ч. I. С. 26.

¹¹ Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. С. 45.

¹² Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / отв. ред. М. С. Строгович. М. : Изд-во АН СССР, 1958. С. 143.

¹³ Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М. : Юридическая литература, 1982. Т. 2. С. 118.

¹⁴ Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М. : Изд-во МГУ, 1972. С. 14.

¹⁵ Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М. : Госюриздат, 1963.

¹⁶ Гражданское право : учебник : в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев [и др.] ; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2021. Т. 1. С. 100.

¹⁷ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 119.

желаемого результата именно управомоченным субъектом.

Но не каждый интерес управомоченного субъекта может быть удовлетворен только собственными действиями, в связи с чем у этого субъекта должна быть возможность требования исполнения или соблюдения юридической обязанности ото всех. С. С. Алексеев сравнивал это правомочие со средством, «с приведением в действие которого начинает работать весь механизм юридического обеспечения»¹⁸. В силу абсолютного характера анализируемого права ему корреспондирует обязанность всех членов общества не препятствовать реализации управомоченным лицом своего интереса в обеспечении неприкосновенности персональных данных. То есть любой должен воздерживаться от действий фактического и юридического характера, которые бы могли помешать исключительному господству управомоченного субъекта над его персональными данными. Важно отметить, что такие действия могут и не носить характера исключительно нарушения, например могут выражаться в оспаривании действий управомоченного лица по обеспечению неприкосновенности персональных данных. В связи с этим верным представляется вывод С. А. Сеницына о том, что требование к обязанным лицам в структуре абсолютных прав только не нарушать эти права не относится к предмету гражданско-правового регулирования, а является общим правовым абсолютным запретом для любых правоотношений¹⁹. Поэтому сложно согласиться с ранее приведенной позицией Ю. К. Толстого о

том, что в структуре субъективного права одна возможность активных действий управомоченного лица, которые должны быть формально обеспечены обязанностью третьего лица их не нарушать. В действительности в исследуемых правоотношениях информационной приватности²⁰ намного больше действий третьих лиц, которые не связаны именно с нарушением права, но от совершения которых они должны воздержаться. Без правомочия требования определенного поведения обязанное лицо не исполнит должное. Это подтверждает необходимость выделения такого структурного элемента в составе субъективного права, как правомочие требования.

В научной литературе встречается позиция, согласно которой содержанием права на неприкосновенность персональных данных является только правомочие требования, например исключения возможности каких-либо действий с персональными данными без согласия субъекта²¹. С одной стороны, ее можно поддержать, т.к. очевиден вектор развития законодательства к уменьшению количества операций, которые можно проводить с персональными данными без согласия субъекта. Например, ранее действовало правило (п. 4 ч. 2 ст. 22 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»²² (далее — Закон о персональных данных)), согласно которому оператор осуществляет без уведомления уполномоченного органа обработку персональных данных, сделанных субъектом общедоступными. М. А. Рожкова отмечала, что, «как и любая иная информация,

¹⁸ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 119.

¹⁹ Сеницын С. А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 72.

²⁰ Информационная приватность имеет несколько ключевых аспектов, связанных с защитой личной информации и правами индивидов в цифровую эпоху. Сегодня рассматривается как комплексное понятие, которое охватывает юридические, технические и этические аспекты защиты личной информации в условиях цифровой трансформации общества. См., например: Себякина Е. П. Теория права информационной приватности: классификация правоотношений // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 2 (44). С. 127–144.

²¹ Федосин А. С. Защита конституционного права человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни при автоматизированной обработке персональных данных в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2009. С. 7.

²² СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

ставшие общедоступными персональные данные допускают их свободное использование, за исключением распространения»²³. С 1 марта 2021 г. категория общедоступных персональных данных из Закона о персональных данных исключена (п. 2 ст. 1 Федерального закона от 30.12.2020 № 519-ФЗ²⁴). Введена новая категория «персональные данные, разрешенные субъектом персональных данных для распространения» (п. 1.1 ст. 3 Закона о персональных данных). Теперь разрешение на использование персональных данных выражается только путем письменного согласия на их обработку. Согласие должно оформляться отдельно от других согласий субъекта на обработку его персональных данных. Оператор обязан обеспечить субъекту возможность определить перечень персональных данных по каждой категории, указанной в таком согласии (ч. 1 ст. 10.1 Закона о персональных данных).

С другой стороны, такой подход делает содержание анализируемого субъективного права более узким по сравнению с реальными возможностями субъекта персональных данных, поскольку ограничивает его негативным правомочием требовать от других лиц определенного поведения без наделения субъекта активными правомочиями на собственные действия. В. Д. Рузанова даже высказывает важное замечание по поводу такого юридического факта, как дача согласия. Она отмечает, что «содержание рассматриваемого права существенным образом зависит также и от того, с согласия или без согласия осуществляется обработка персональных данных»²⁵. Таким образом, если сводить содержание исследуемого права только к тре-

бованию исключения возможности каких-либо действий с персональными данными без согласия субъекта, то выпадает большой пласт правоотношений, где наличие согласия не является юридически значимым обстоятельством. Закон о персональных данных выделяет еще 10 других оснований обработки персональных данных, где не требуется согласия субъекта. Как тогда управомоченному лицу требовать исключения возможности каких-либо действий с персональными данными без согласия субъекта, если сам Закон напрямую допускает такие действия? Это очевидное противоречие рассматриваемого подхода и доказательство того, что в содержании субъективного права на неприкосновенность персональных данных можно выделить перечень возможностей активных действий субъекта.

Наконец, ряд ученых сходятся во мнении, что в структуру субъективного права должно входить и правомочие на защиту. С точки зрения Б. М. Гонгало, субъективное право теряет свою характеристику «обеспеченное законом» в случае исключения такой возможности из его структуры²⁶, а С. Н. Братусь отмечал, что «возможность привести в действие аппарат государственного принуждения возникает на определенном этапе развития субъективного права»²⁷.

В. П. Грибанов выделял относительно правомочия на защиту как структурного элемента субъективного гражданского права три вида правоохранительных мер, к которым может прибегнуть управомоченное лицо в соответствии с гражданским законодательством:

— меры фактического характера (самозащита);

²³ Рожкова М. А. «Общедоступная информация», «открытые данные» и «персональные данные, разрешенные субъектом для распространения» — что это такое и как они между собой связаны? // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2021/1/13/obschedostupnaya_informaciya_otkrytye_dannye_i_personalnye_dannye_razreshennye_subektom_dlya_raspros (дата обращения: 15.05.2024).

²⁴ Федеральный закон от 30.12.2020 № 519-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О персональных данных”» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 58.

²⁵ Рузанова В. Д. Право на защиту персональных данных: гражданско-правовой аспект // Гражданское право. 2019. № 6. С. 19.

²⁶ Гражданское право : учебник. Т. 1. С. 100.

²⁷ Братусь С. Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1949. № 8. С. 35.

- меры оперативного характера;
- меры государственно-принудительного характера²⁸.

В подтверждение существования в структуре права на неприкосновенность персональных данных правомочия на защиту можно привести примеры каждой вышеуказанной меры, которой может воспользоваться субъект. Так, в качестве самозащиты он может устанавливать пароли для доступа к устройствам, на которых содержатся его персональные данные, а также использовать различное программное обеспечение для шифрования и защиты информации, чтобы предупредить неправомерную утечку данных третьим лицам. В качестве мер оперативного характера управомоченное лицо может требовать исключения из общедоступных источников его персональных данных (ч. 2 ст. 8 Закона о персональных данных) или отозвать свое согласие на обработку персональных данных (ч. 2 ст. 9 Закона о персональных данных). Наконец, если субъект считает, что оператор осуществляет обработку его персональных данных с нарушением требований законодательства или иным образом нарушает его права и свободы, то он вправе обжаловать действия или бездействие оператора в уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных или в судебном порядке (ст. 17 Закона о персональных данных).

Анализ научной литературы демонстрирует широкий спектр подходов ученых к структурным элементам субъективного права. Но общим знаменателем является то, что большинством выделяются именно возможные виды структурных элементов субъективного регулятивного права. Эти элементы в конкретных правоотношениях могут составлять содержание субъективного права в различных сочетаниях. Таким образом, невозможно принять за аксиому лишь один из рассмотренных подходов и распространить его на все существующие субъективные права в

силу большой специфики общественных отношений. Однако вышеупомянутые особенности отношений по информационной приватности обуславливают именно классическую триаду правомочий в составе права на неприкосновенность персональных данных.

Важно отметить, что описываемые далее правомочия не обозначены прямо в законодательстве, однако его анализ позволяет их выделить. В связи с этим следует воспользоваться предложенным В. А. Беловым механизмом проверки корректности объединения правомочий в одно субъективное право, а именно «установить, удовлетворению каких типических интересов управомоченного служат искомые возможности. Служение их одному и тому же интересу подтверждает предположение о том, что искомые возможности принадлежат одному и тому же субъективному праву»²⁹. Еще в XIX в. Р. фон Иеринг разработал теорию интереса, суть которой заключается в том, что субъективное право «есть защищенный или огражденный интерес»³⁰. Какой же интерес может защищать право на неприкосновенность персональных данных? На текущем этапе исследования можем предположить, что ключевой интерес управомоченного субъекта связан с обеспечением неизвестности сведений о себе и своей деятельности, возможностью контролировать свои персональные данные, а также со сферой неимущественных отношений по защите персональных данных от их неправомерного использования. Н. Д. Егоров отмечал, что неимущественные интересы граждан должны быть опосредованы признанием «отдельных видов неимущественных прав со специфическими средствами защиты»³¹, что подтверждает необходимость существования права на неприкосновенность персональных данных.

С учетом вышеобозначенного интереса **правомочие субъекта персональных данных на**

²⁸ Грибанов В. П. Указ. соч. С. 97.

²⁹ Белов В. А. Гражданское право : учебник для вузов : в 2 т. М. : Юрайт, 2024. Т. 1. С. 241.

³⁰ *Jhering R. von. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. 5. Aufl. Leipzig, 1891–1894. Th. 1–2.*

³¹ Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. С. 127.

собственные действия проявляется в возможности:

1) *удалить персональные данные* (праве быть забытым): субъект в случае отзыва согласия на обработку может требовать удаления персональных данных, если их обработка больше не нужна для исходных целей (ч. 5 ст. 21 Закона о персональных данных), а также их уничтожения, если они являются неполными, устаревшими, неточными, незаконно полученными или не являются необходимыми для заявленной цели обработки (ч. 1 ст. 14 Закона). Сходные положения содержатся в статье 10.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³², согласно которой информация о гражданине, распространяемая с нарушением законодательства Российской Федерации, недостоверная, а также неактуальная, утратившая значение для гражданина, должна быть удалена по его заявлению оператором поисковой системы. ООО «Яндекс» напрямую указывает в форме заявления на удаление информации, что гражданин реализует «право на забвение»³³. Google LLC предупреждает, что, получив запрос на удаление, специалисты компании сопоставят право пользователя на неприкосновенность частной жизни с правами других лиц на распространение и получение информации для того, чтобы принять решение об удалении информации в соответствии с российским законодательством³⁴;

2) *перенести персональные данные*, т.е. получить предоставленные данные в структурированном, общепринятом и машиночитаемом формате (ч. 7 ст. 14 Закона о персональных данных) и в последующем передать другому

оператору без препятствий со стороны первоначального оператора для обеспечения большей защиты. Проявлением данного правомочия является необходимость получения согласия субъекта в случае, если оператор персональных данных поручает их обработку другому лицу (ч. 3 ст. 6 Закона о персональных данных). При этом законодатель устанавливает солидарную ответственность первоначального оператора персональных данных и лица, которому они переданы для обработки, если это иностранное физическое или юридическое лицо (ч. 6 ст. 6 Закона о персональных данных), чем усиливает гарантии защиты прав субъекта;

3) *отказаться от принятия решений на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных*, включая профилирование (ст. 16 Закона о персональных данных). Например, постановлением Правительства РФ от 21.12.2021 № 2371³⁵ создана информационно-аналитическая система, в которой аккумулируются в том числе персональные данные индивидуальных предпринимателей, физических лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», иных физических лиц, планирующих начать осуществление предпринимательской деятельности. В соответствии с п. 7 указанного постановления сведения, содержащиеся на цифровой платформе, могут быть использованы участниками эксперимента (государственными органами) для предоставления услуг, мер поддержки и сервисов без дополнительной верификации со стороны обладателя и (или) источника таких сведений, что вызывает риск необоснованных решений органов власти. Поэтому у субъекта персональных данных должно

³² СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

³³ Недостоверная, неактуальная информация о гражданине, ссылки на которую подлежат исключению из результатов поиска Яндекса (по «Праву на забвение») // URL: <https://yandex.ru/support/abuse/troubleshooting/oblivion.html> (дата обращения: 04.07.2024).

³⁴ Запрос на удаление из результатов поиска Google в России личной информации, которая опубликована в нарушение закона, неверна или устарела // URL: https://support.google.com/legal/contact/lr_rudpa?product=websearch&hl=ru&sjid=15330968468120605484-EU (дата обращения: 04.07.2024).

³⁵ Постановление Правительства РФ от 21.12.2021 № 2371 «О проведении эксперимента по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства» // СЗ РФ. 2022. № 1 (ч. I). Ст. 96.

быть право на отказ от автоматизированного принятия решений, а не только возможность возражать против уже принятого решения (ч. 3 ст. 16 Закона о персональных данных).

В законодательстве отсутствует прямое указание на правомочие субъекта на отказ от автоматизированного принятия решений. Применяются словесные конструкции, которые обязывают других лиц совершать юридически значимые действия только с согласия субъекта. Фактически законодатель понуждает гражданина, если он хочет отказаться от автоматизированного принятия решений, не давать согласия на это, т.е. бездействовать.

Сложно согласиться с таким подходом при возведенном в закон принципе правовой определенности (ст. 7 Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»³⁶), который очевидно нарушается. Например, нигде не установлен срок для дачи согласия субъектом на принятие решений исключительно на основании автоматизированной обработки.

Лицо, которое хочет обработать персональные данные в законных целях, может неопределенно долго ждать согласия от субъекта. При этом законодатель сам указывает, например, по поводу персональных данных, разрешенных для распространения, что «молчание или бездействие субъекта персональных данных ни при каких обстоятельствах не может считаться согласием на обработку персональных данных» (ч. 8 ст. 10.1 Закона о персональных данных). Представляется, что такой подход можно распространить на всю сферу правового регулирования персональных данных, в том числе в части автоматизированного принятия решений. Следовательно, участники правоотношений могут быть в тупике и не достигать своих правомерных интересов при соблюдении закона.

Это подтверждает необходимость наделения субъекта персональных данных субъективным правом с активными правомочиями на свои действия, в том числе на выражение запрета принятия решений только на основе автоматизированной обработки персональных дан-

ных. Такой запрет может осуществляться путем подачи заявления через портал «Госуслуги» или в МФЦ, а информация о запрете должна быть направлена в единый федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении. Операторы будут обязаны проверять отсутствие запрета при принятии решений только на основе автоматизированной обработки персональных данных. Таким образом, запрет может стать эффективной мерой, принимаемой субъектом и направленной на ограничение неправомерной обработки персональных данных без согласия субъекта.

Правомочие требовать соответствующего поведения от обязанного лица, т.е. соблюдения установленных законодательством или добровольно взятых на себя требований и условий неприкосновенности персональных данных, имеет особенности в абсолютных правоотношениях в сфере информационной приватности. В частности, можно выделить то, что каждому члену общества крайне сложно осознать действительную степень защищенности персональных данных. Одно дело — понять границы, например, чужого земельного участка, обнесенного забором, чтобы не нарушить права его собственника, а другое — сначала определить информацию как персональные данные, а затем воспринять правовой режим неприкосновенности персональных данных, установленный управомоченным лицом. Например, обозначил ли субъект через отдельное согласие, какие именно персональные данные, размещенные им в социальных сетях, могут быть распространены. Таким образом, управомоченному субъекту недостаточно одновременно обеспечить неприкосновенность персональных данных, как это может сделать разово собственник вещи, например, поместив ее на хранение в сейф, — ему необходимо регулярно проверять соответствие поведения обязанных лиц требуемой степени неприкосновенности. Представляется, что указанное правомочие должно осуществляться субъектом персональных данных при помощи средств, которые позволяют действительно донести требование до неопределенного круга лиц, например сети

³⁶ СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5006.

«Интернет», для обеспечения определенной степени известности правового режима персональных данных всем обязанным субъектам.

Правомочие на защиту проявляется в использовании общих (ст. 12 ГК РФ³⁷) и специальных материально-правовых мер принудительного характера для восстановления (признания) нарушенных прав и интересов субъекта персональных данных.

Вопрос о месте правомочия на защиту в структуре регулятивного субъективного права в цивилистической доктрине является спорным. Сторонники первого подхода не признают названное правомочие элементом регулятивного субъективного права³⁸. Так, П. А. Варул полагает, что его «неверно считать третьим элементом содержания субъективного права в качестве правомочия, так как содержание его самого аналогично по своей структуре субъективному гражданскому праву в целом»³⁹. Такое право, по мнению автора, возникает сразу после нарушения регулятивного субъективного права в связи с возникновением охранительных правоотношений. Безусловно, доктринальное разделение правоотношений на регулятивные и охранительные нами не оспаривается, но следует ли из этого вывод, что в составе регулятивного субъективного права отсутствует правомочие на защиту? Представляется, что нет. Еще Д. А. Керимов писал, что «субъективное право может существовать как возможность, не реализуясь в правомочии до той поры, пока субъект правоотношения не вступил в конкретное правоотношение»⁴⁰.

Г. Л. Осокина также утверждала, что правомочие на защиту не может входить в состав субъективного регулятивного права, т.к. оно само «в случае его нарушения или оспарива-

ния не в состоянии выполнить функцию самозащиты, самореализации»⁴¹. В качестве примера приводилась ситуация с нарушением права собственности, когда право и правоотношения собственности или прекращаются (виндикация), или приостанавливаются (негаторный иск). Механизмом, который «сдвинул регулятивное отношение с мертвой точки», является, по ее мнению, охранительное право на защиту только при помощи государства в лице юрисдикционных органов, поскольку ничто в содержании регулятивного права не может вернуть привычный уровень отношений между управомоченным и обязанным лицами⁴². Поэтому нарушение или оспаривание регулятивного права порождает новое, дополнительное охранительное отношение с самостоятельным охранительным правом на защиту (на иск).

С таким подходом сложно согласиться, т.к. современное законодательство направлено на расширение досудебных инструментов урегулирования спора между участниками правоотношений. Спецификой правоотношений между субъектом персональных данных и, например, оператором является то, что управомоченное лицо наделено правовыми возможностями, которые позволяют сохранять регулятивное правоотношение и без участия юрисдикционных органов принудить правонарушителя к необходимому поведению. Так, в случае неправомерной обработки субъект вправе потребовать уничтожить персональные данные в соответствии с ч. 3 ст. 21 Закона о персональных данных или прекратить их распространение (ч. 12 ст. 10.1 Закона).

Следует обратить внимание на то, что большинство сторонников первого подхода исполь-

³⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³⁸ См.: Крашенинников Е. А. Структура субъективного права и право на защиту // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1979. Вып. 4. С. 79–80; Владова А. В. Структура субъективного гражданского права. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1998. С. 94.

³⁹ Варул П. А. Указ. соч. С. 21.

⁴⁰ Керимов Д. А. Обеспечение законности в СССР. М.: Госюриздат, 1956. С. 26.

⁴¹ Осокина Г. Л. Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск) / под ред. В. Н. Щеглова. Томск: Изд-во Томского университета, 1990. С. 28.

⁴² Осокина Г. Л. Указ. соч. С. 36.

зуют в качестве аргумента пример только права собственности без анализа природы и особенностей других правоотношений. Конечно, в случае уничтожения вещи сложно говорить о том, что сохранились регулятивные отношения собственности, а у управомоченного лица есть какие-либо возможности восстановить свое положение без обращения к государственным органам принуждения. Но исследуемое право на неприкосновенность персональных данных входит в сферу неимущественных отношений, а объект, по поводу которого они возникают (персональные данные), не имеет свойства уничтожаемости. Поэтому при многих нарушениях основное регулятивное правоотношение продолжает существовать, а у управомоченного субъекта есть возможность защитить свои права и интересы собственными силами. Более того, эта особенность отношений по информационной приватности также ставит под сомнение универсальность проводимого Г. Л. Осокиной различия между субъективным регулятивным правом и самостоятельным правом на защиту, заключающегося в разном составе субъектов этих прав: в первом правоотношении участвуют только кредитор и должник, а во втором возникает новый субъект в виде юрисдикционного органа.

Конечно, после нарушения абсолютного права субъекта, например, не оператором, а третьим лицом, которое украло персональные данные, возникает гражданское охранительное правоотношение по применению им таких мер гражданско-правовой ответственности, как компенсация морального вреда и (или) возмещение убытков в судебном порядке. Однако это не свидетельствует об отсутствии правомочия на защиту в составе права на неприкосновенность персональных данных. Более того, охранительное требование к лицу, укравшему персональные данные, исходит из ранее существовавшего регулятивного правоотношения,

в рамках которого все противостоящие субъекту неопределенные обязанные лица должны были воздерживаться от совершения действий, нарушающих право субъекта в соответствии с отмеченным ранее интересом.

На основании вышеизложенного представляется более правильным второй подход ученых, который состоит в признании правомочия на защиту элементом регулятивного гражданского права. Например, Н. И. Матузов указывал, что правомочие на защиту необходимо признавать структурным элементом субъективного права: хотя «угроза (его осуществления. — Л. Ш.) является лишь потенциальной, она постоянно тяготеет над ним (обязанным лицом. — Л. Ш.), побуждая к должному поведению. Возможность защиты, или, как еще говорят, притязания, является самостоятельным, а не сопутствующим, не побочным элементом субъективного права. Поскольку притязание является лишь одним из возможных состояний субъективного права, отсутствие притязания не означает отсутствие права»⁴³. В. П. Грибанов делал акцент на том, что существует неразрывная связь конкретного содержания права на защиту с охраняемым материальным правом, поэтому оно должно включаться в состав субъективного права⁴⁴. В. В. Груздев обозначал, что в составе субъективного гражданского права могут быть факультативные правомочия, которые возникают у управомоченного субъекта в одном из качественных состояний субъективного права, а именно с момента нарушения или оспаривания права, которое не прекратилось в результате нарушения⁴⁵.

Важно обеспечить принудительную реализацию субъективного права для усиления гарантий законных интересов управомоченного субъекта. Это достигается путем признания права на защиту правомочием в составе регулятивного субъективного права. Такой подход в полной мере соответствует вышеуказанному механизму

⁴³ Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия : Теоретические проблемы субъективного права. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1972. С. 110.

⁴⁴ Грибанов В. П. Указ. соч. С. 105.

⁴⁵ Груздев В. В. Структура субъективных гражданских прав и гражданско-правовых обязанностей // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5. С. 96.

проверки корректности объединения правомочий в одно субъективное право, предложенному В. А. Беловым. Ведь правомочие на защиту направлено именно на достижение интереса субъекта, который связан со сферой неимущественных отношений по защите персональных данных от неправомерного использования. Таким образом, правомочие на использование общих и специальных материально-правовых мер принудительного характера должно рассматриваться в качестве обязательного элемента в структуре права на неприкосновенность персональных данных.

Под специальными мерами в вышеуказанном правомочии следует понимать непоименованные в ст. 12 ГК РФ способы защиты, в частности возможность ограничения обработки данных. Так, субъект может запросить временную приостановку обработки своих данных в случае, если он оспаривает точность данных или ведется проверка по его жалобе (ч. 1 ст. 21 Закона о персональных данных). Субъект может требовать прекратить передачу (распространение, предоставление, доступ) своих персональных данных, ранее разрешенных им для распространения, от любого лица, обрабатывающего его персональные данные (ч. 14 ст. 10.1 Закона о персональных данных).

Среди общих способов защиты, безусловно, следует выделить компенсацию морального вреда и возмещение убытков как прямо установленные в ст. 24 Закона о персональных данных последствия нарушения законодательства в сфере персональных данных. В Общем регламенте по защите данных Европейского Союза даже поименовано самостоятельное субъективное право на компенсацию (ст. 82(1))⁴⁶.

Некоторые авторы исключают возможность применения ряда способов защиты для персональных данных, например восстановления положения, т.к. права, объектом которых явля-

ются нематериальные блага (такие, как персональные данные, по их мнению), не подлежат восстановлению в случае их нарушения в силу объективных причин⁴⁷. С этой точкой зрения можно согласиться, но только если признать, что лицом, которое нарушает право субъекта, является исключительно оператор персональных данных. Такой подход в современных реалиях представляется крайне узким. Неограниченный круг лиц может получить доступ к персональным данным. Практически свободно продаются базы персональных данных, а на отдельных сайтах можно только по Ф. И. О. гражданина узнать все его персональные данные, которые размещены в открытых источниках. Восстановить положение субъекта персональных данных можно, изъяв эти данные у лиц, незаконно получивших к ним доступ, и удалив их из открытого доступа.

Таким образом, оценка применимости тех или иных способов защиты персональных данных зависит от понимания их природы. Представляется, что глухота законодателя относительно включения в число самостоятельных объектов гражданских прав персональных данных связана с трудностью их отнесения к одному или нескольким уже существующим объектам и недостатком правовых исследований для разработки самостоятельного правового режима. На текущем этапе можно обозначить, что ни один из существующих объектов гражданских прав не определяет персональные данные в полной мере, что свидетельствует о зрелости персональных данных как самостоятельного объекта гражданских прав. В таком статусе персональные данные необходимо трактовать как информацию с особым правовым режимом защиты (в том числе конфиденциальности и обеспеченности безопасностью), которая:

а) представлена в любой форме и на любом носителе;

⁴⁶ Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС» (Общий регламент по защите данных) // URL: <https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679> (дата обращения: 15.03.2025).

⁴⁷ Архипов В. В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. 2018. № 2. С. 60.

б) позволяет внешнему наблюдателю на ее основе достоверно из неограниченного круга лиц выделить определенное физическое лицо или получить возможность для такой идентификации с разумной степенью прилагаемых усилий.

Но рассуждения на эту тему требуют дальнейшего анализа и не входят в предмет рассмотрения данной статьи.

В результате исследования были сформулированы основные выводы о содержании субъективного права на неприкосновенность персональных данных. Прежде всего следует отметить, что характер отношений по информационной приватности и их современное законодательное регулирование опосредуют выделение в анализируемом гражданском субъективном праве трех правомочий. Субъект персональных данных не только наделен возможностями своих активных действий, но также может требовать определенного поведения от обязанных лиц и прибегать к мерам правоохранительного характера. Указанная триада правомочий в полной мере отражает всю палитру возможностей субъекта персональных данных, объединенных единым интересом, связанным с

обеспечением состояния неизвестности сведений о себе и своей деятельности, возможностью контролировать свои персональные данные, а также со сферой неимущественных отношений по защите персональных данных от неправомерного использования.

Необходимы как законодательные изменения, так и практические меры для обеспечения реальной защиты прав субъектов персональных данных в условиях динамично меняющегося цифрового мира. В частности, отсутствует эффективный механизм запрета принятия решений только на основе автоматизированной обработки персональных данных на фоне развития искусственного интеллекта, который уже в ближайшем будущем может стать активно используемым инструментом, например в судебной системе России⁴⁸.

В заключение следует отметить, что крайне важно корректно определять содержание права на неприкосновенность персональных данных для повышения гарантий свободной реализации субъектами персональных данных возможностей своих активных действий и увеличения эффективности частноправовых мер восстановления нарушенных прав.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Общая теория права : в 2 т. Т. 2. — М. : Юридическая литература, 1982. — 360 с.
2. *Архипов В. В.* Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. — 2018. — № 2. — С. 52–68.
3. *Белов В. А.* Гражданское право : в 2 т. — М. : Юрайт, 2024. — 451 с.
4. *Братусь С. Н.* О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское государство и право. — М., 1949. — № 8. — С. 30–37.
5. *Братусь С. Н.* Предмет и система советского гражданского права. — М. : Госюриздат, 1963. — 197 с.
6. *Варул П. А.* О некоторых теоретических вопросах защиты субъективных гражданских прав // Проблемы понятийного аппарата наук гражданского и гражданского процессуального права. — Ярославль, 1987. — С. 19–26.
7. *Вильнянский С. И.* Лекции по советскому гражданскому праву. Ч. I. — Харьков : Изд-во Харьковского государственного университета имени А.М. Горького, 1958. — 339 с.
8. *Власова А. В.* Структура субъективного гражданского права. — Ярославль, 1998. — 116 с.

⁴⁸ *Литвинов Д.* Дела о разводах хотят отдать искусственному интеллекту // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/economics/dela-o-razvodakh-khotyat-otdat-iskusstvennomu-intellektu.html?clickid=348e60c2> (дата обращения: 01.05.2025).

9. Гражданское право : учебник : в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев [и др.] ; под ред. Б. М. Гонгало. Т. 1. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2021. — 614 с.
10. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. — М. : Изд-во Московского университета, 1972. — 284 с.
11. Груздев В. В. Структура субъективных гражданских прав и гражданско-правовых обязанностей // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 5. — С. 95–104.
12. Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. — 176 с.
13. Иоффе О. С., Шаргородский Д. М. Вопросы теории права. — М. : Госюриздат, 1961. — 381 с.
14. Керимов Д. А. Обеспечение законности в СССР. — М. : Госюриздат, 1956. — 167 с.
15. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / отв. ред. М. С. Строгович. — М. : Изд-во АН СССР, 1958. — 187 с.
16. Красавчикова Л. О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 1994. — 435 с.
17. Крашенинников Е. А. Структура субъективного права и право на защиту // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Вып. 4. — Ярославль, 1979. — С. 76–77.
18. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. — Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2004. — 510 с.
19. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия : Теоретические проблемы субъективного права. — Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1972. — 292 с.
20. Осокина Г. Л. Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск) / под ред. В. Н. Щеглова. — Томск : Изд-во Томского университета, 1990. — 160 с.
21. Перевалов В. Д. Нормы права: проблемы понимания и определения // Российское право: образование, практика, наука. — 2017. — № 5 (101). — С. 10–18.
22. Перевалов В. Д. Теория государства и права : учебник и практикум для вузов. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Инфра-М, 2024. — 552 с.
23. Рожкова М. А. «Общедоступная информация», «открытые данные» и «персональные данные, разрешенные субъектом для распространения» — что это такое и как они между собой связаны? // Закон.ру. — URL: https://zakon.ru/blog/2021/1/13/obschedostupnaya_informaciya_otkrytye_dannye_i_personalnye_dannye_razreshennye_subektom_dlya_raspros.
24. Рузанова В. Д. Право на защиту персональных данных: гражданско-правовой аспект // Гражданское право. — 2019. — № 6. — С. 17–20.
25. Сергеев А. П. Гражданское право : в 3 т. Т. 1. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2018. — 1040 с.
26. Сеницын С. А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2017. — 604 с.
27. Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. — М. : Норма, Инфра-М, 1999. — 560 с.
28. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. — 88 с.
29. Федосин А. С. Защита конституционного права человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни при автоматизированной обработке персональных данных в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Саранск, 2009. — 189 с.
30. Швец Л. В. Природа права на персональные данные: цивилистический аспект // Сибирское юридическое обозрение. — 2024. — № 21 (4). — С. 579–595.
31. Шершеневич Г. Ф. Философия права. Т. 1. — М. : Издание бр. Башмаковых, 1912. — 805 с.
32. Jhering R. von. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Th. 1–2. — 5. Aufl. — Leipzig, 1891–1894.

Материал поступил в редакцию 5 июня 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava: v 2 t. T. 2.* — M.: Yuridicheskaya literatura, 1982. — 360 s.
2. Arkhipov V. V. Problema kvalifikatsii personalnykh dannykh kak nematerialnykh blag v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki, ili Net nichego bolee praktichnogo, chem khoroshaya teoriya // *Zakon.* — 2018. — № 2. — S. 52–68.
3. Belov V. A. *Grazhdanskoe pravo: v 2 t.* — M.: Yurayt, 2024. — 451 s.
4. Bratus S. N. O sootnoshenii grazhdanskoj pravosposobnosti i subektivnykh grazhdanskikh prav // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo.* — M., 1949. — № 8. — S. 30–37.
5. Bratus S. N. *Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava.* — M.: Gosyurizdat, 1963. — 197 s.
6. Varul P. A. O nekotorykh teoreticheskikh voprosakh zashchity subektivnykh grazhdanskikh prav // *Problemy ponyatiynogo apparata nauk grazhdanskogo i grazhdanskogo protsessualnogo prava.* — Yaroslavl, 1987. — S. 19–26.
7. Vilnyanskiy S. I. *Leksii po sovetskomu grazhdanskomu pravu. Ch. I.* — Kharkov: Izd-vo Kharkovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.M. Gorkogo, 1958. — 339 s.
8. Vlasova A. V. *Struktura subektivnogo grazhdanskogo prava.* — Yaroslavl, 1998. — 116 s.
9. *Grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. / S. S. Alekseev, O. G. Alekseeva, K. P. Belyaev [i dr.]; pod red. B. M. Gongalo. T. 1.* — 4-e izd., pererab. i dop. — M.: Statut, 2021. — 614 s.
10. Gribanov V. P. *Predely osushchestvleniya i zashchity grazhdanskikh prav.* — M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1972. — 284 s.
11. Gruzdev V. V. *Struktura subektivnykh grazhdanskikh prav i grazhdansko-pravovykh obyazannostey // Aktual'nye problemy rossijskogo prava.* — 2018. — № 5. — S. 95–104.
12. Egorov N. D. *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy: edinstvo i differentsiatsiya.* — L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1988. — 176 s.
13. Ioffe O. S., Shargorodskiy D. M. *Voprosy teorii prava.* — M.: Gosyurizdat, 1961. — 381 s.
14. Kerimov D. A. *Obespechenie zakonnosti v SSSR.* — M.: Gosyurizdat, 1956. — 167 s.
15. Kechekyan S. F. *Pravootnosheniya v sotsialisticheskom obshchestve / otv. red. M. S. Strogovich.* — M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. — 187 s.
16. Krasavchikova L. O. *Ponyatie i sistema lichnykh, ne svyazannykh s imushchestvennymi prav grazhdan (fizicheskikh lits) v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk.* — Ekaterinburg, 1994. — 435 s.
17. Krashenninnikov E. A. *Struktura subektivnogo prava i pravo na zashchitu // Problema zashchity subektivnykh prav i sovetskoe grazhdanskoe sudoproizvodstvo. Vyp. 4.* — Yaroslavl, 1979. — S. 76–77.
18. Matuzov N. I. *Aktualnye problemy teorii prava.* — Saratov: Izd-vo Sarat. gos. akad. prava, 2004. — 510 s.
19. Matuzov N. I. *Lichnost. Prava. Demokratiya: Teoreticheskie problemy subektivnogo prava.* — Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1972. — 292 s.
20. Osokina G. L. *Pravo na zashchitu v iskovom sudoproizvodstve (pravo na isk) / pod red. V. N. Shcheglova.* — Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1990. — 160 s.
21. Perevalov V. D. *Normy prava: problemy ponimaniya i opredeleniya // Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka.* — 2017. — № 5 (101). — S. 10–18.
22. Perevalov V. D. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik i praktikum dlya vuzov.* — 5-e izd., pererab. i dop. — M.: Infra-M, 2024. — 552 s.
23. Rozhkova M. A. «Obshchedostupnaya informatsiya», «otkrytye dannye» i «personalnye dannye, razreshennye subektom dlya rasprostraneniya» — chto eto takoe i kak oni mezhdub soboy svyazany? // *Zakon.ru.* — URL: https://zakon.ru/blog/2021/1/13/obschedostupnaya_informatsiya_otkrytye_dannye_i_personalnye_dannye_razreshennye_subektom_dlya_raspros.
24. Ruzanova V. D. *Pravo na zashchitu personalnykh dannykh: grazhdansko-pravovoy aspekt // Grazhdanskoe pravo.* — 2019. — № 6. — S. 17–20.

25. Sergeev A. P. Grazhdanskoe pravo: v 3 t. T. 1. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2018. — 1040 s.
26. Sinitsyn S. A. Obshchee uchenie ob absolyutnykh i otnositelnykh subektivnykh grazhdanskikh pravakh: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2017. — 604 s.
27. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov i fakultetov / pod red. V. M. Korelskogo i V. D. Perevalova. — M.: Norma, Infra-M, 1999. — 560 s.
28. Tolstoy Yu. K. K teorii pravootnosheniya. — L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1959. — 88 s.
29. Fedosin A. S. Zashchita konstitutsionnogo prava cheloveka i grazhdanina na neprikosnovennost chastnoy zhizni pri avtomatizirovannoy obrabotke personalnykh dannykh v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Saransk, 2009. — 189 s.
30. Shvets L. V. Priroda prava na personalnye dannye: tsivilisticheskiy aspekt // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. — 2024. — № 21 (4). — S. 579–595.
31. Shershenevich G. F. Filosofiya prava. T. 1. — M.: Izdanie br. Bashmakovykh, 1912. — 805 s.
32. Jhering R. von. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Th. 1–2. — 5. Aufl. — Leipzig, 1891–1894.